

Говоря откровенно, пусть Шэнь Нянь и понимал, что Гу Чжи несхож с обычными детьми, он никак не ожидал от него подобной выходки. Тем более теперь, когда тот попался с поличным. На лице мальчика не отразилось ни капли смущения или стыда; казалось, он нарочно поджидал Шэнь Няня, дабы продемонстрировать свою проказу. Взять хотя бы этот взгляд — он словно говорил:

«Смотри, ты накликал на меня проблему, а мне теперь самому приходится от неё избавляться».

Шэнь Нянь молчал. Гу Чжи не отводил глаз, не спеша выливая из пластикового стакана остатки фруктового чая. Закончив, он подошёл и встал перед старшим. Шэнь Нянь стоял на крыльце, и хотя Гу Чжи был гораздо ниже ростом, Шэнь Няня не покидало чувство, будто на него давят сверху.

— Брат Няньнянь, — улыбнулся Гу Чжи. — Не надо относиться ко мне хорошо. А не то как же я потом с тобой расправлюсь?

— Что ты собираешься сделать? — спросил Шэнь Нянь.

— А ты угадай.

Шэнь Нянь не ответил. Угадать он не мог — ему прежде не приходилось сталкиваться с подобными людьми. Он даже не встречал никого, хоть отдалённо похожего на Гу Чжи, и понятия не имел, какие мысли бродят в этой голове.

Шэнь Нянь хранил молчание, а Гу Чжи всё так же пристально разглядывал его. В конце концов Шэнь Нянь не выдержал этой молчаливой дуэли и отвёл взгляд. В тот же миг из кухни вышел Шэнь Чуншань. Увидев застывших у порога ребят, он удивился:

— Вы чего тут встали?

Улыбка на лице Гу Чжи мгновенно растаяла. Обернувшись к Шэнь Чуншаню, он вновь принял прежний, кроткий и послушный вид:

— Дядя Шэнь, я просто говорил брату Няньняню, какой вкусный чай он мне купил.

— Уж выпил? — Шэнь Чуншань, заметив в его руке пустой стакан, всплеснул руками: — Надо же, как быстро! Понравился, значит? Ну, как снова захочется, попроси Сяо Няня, он тебе ещё купит.

— Хорошо, — с радостной готовностью отозвался Гу Чжи и, повернувшись к Шэнь Няню, спросил: — Договорились, брат Няньнянь?

Шэнь Нянь молча смотрел на него. В душе уже созрел чёткий ответ: нет, этого больше не повторится. Это был последний раз, когда он проявил к Гу Чжи хоть каплю доброты.

В самый зной, в середине дня, выключили свет, так что обедать пришлось в душной муке. Шэнь Нянь почти ничего не съел — из-за всех этих событий у него пропал аппетит. Шэнь Чуншань тоже едва притронулся к еде, но по другой причине: он весь обед обмахивал Гу Чжи веером, боясь, как бы тот не перегрелся, и оттого сам толком не поел.

Он полагал, что, как и прежде, электричества не будет до самого вечера, однако вскоре после обеда потолочный вентилятор над головой закружился. Шэнь Чуншань поднял глаза и, убедившись, что свет действительно дали, стал торопить Гу Чжи:

— Дали ток! Ступай скорее к себе в комнату. Неизвестно, не отрубят ли снова через минуту, так хоть немного посидишь в прохладе.

Сказав это, он что-то вспомнил, бросил взгляд на Шэнь Няня, собиравшего со стола посуду, и обратился к Гу Чжи — на сей раз не приказывая, а словно бы советуясь:

— Сяо Чжи, на дворе экая жара... Может,пустишь и брата Сяо Няня к себе в комнату передохнуть? Он ведь купил тебе чай, пусть это будет вроде как благодарность?

Шэнь Нянь не ожидал от отца такого предложения. Он подсознательно вскинул голову, собираясь отказаться и сказать, что ему это ни к чему, однако не успел вымолвить ни слова, как Гу Чжи приторно улыбнулся и кивнул:

— Конечно!

Шэнь Чуншань опасался, как бы это не было в тягость мальчику, и, получив согласие, с облегчением рассыпался в похвалах. Затем забрал из рук Шэнь Няня грязные тарелки и, загремев посудой, пробормотал:

— Ну так иди, иди скорее, пока снова свет не выключили.

Гу Чжи отозвался вежливым «Спасибо, дядя Шэнь, вы так трудитесь!» и ушёл к себе в северную комнату. Шэнь Нянь замер на месте, не зная, что сказать отцу, и ему ничего не оставалось, кроме как отправиться вслед за Гу Чжи.

Было ли предложение Шэнь Чуншаня продиктовано жалостью к сыну или чувством вины, Шэнь Нянь не знал. Но зато он отчётливо понимал, что Гу Чжи согласился не от чистого сердца. Поэтому, даже поднявшись в северное крыло, он ни на секунду не задержался в чужой комнате и сразу проскользнул в свою.

— А ты сообразительный, — раздался за его спиной голос Гу Чжи, когда Шэнь Нянь уже взялся

за дверную ручку.

Шэнь Нянь остановился и обернулся. Гу Чжи улыбался ему:

— Впрочем, умных я люблю. С дураками играть неинтересно.

Шэнь Нянь ничего не ответил и ушёл к себе.

Чуть позже, прибравшись на кухне, в северную комнату зашёл Шэнь Чуншань. Шэнь Нянь сидел за письменным столом и делал тесты. Услышав шаги, он повернулся к отцу. Понимая, что тот хочет сказать, юноша опередил его:

— Пап, я немного позанимаюсь. Ступай, отдохни с Гу Чжи.

На лице Шэнь Чуншаня отобразилось сложное чувство, он явно хотел что-то возразить, но в конце концов смолк и ушёл.

Так Гу Чжи и остался жить в семье Шэнь. Для Шэнь Няня ничего толком не изменилось, если не считать того, что спать приходилось в другой комнате. Он изо всех сил старался избегать мальчика, не вступая с ним ни в какие контакты: ужиться с таким ребёнком ему было попросту не под силу.

Тот стакан фруктового чая стал последней попыткой наладить отношения. Раз Гу Чжи это не нужно — что ж, так тому и быть.

Что до Шэнь Чуншаня и Гу Чжи, у них притирки будто и вовсе не было — они поладили мгновенно. Мальчик проявлял к мужчине поразительное доверие и привязанность: дома не отходил от него ни на шаг, да и на улицу увязывался следом. На их фоне Шэнь Нянь казался чужаком, пришедшим на всё готовое.

Но даже при этом Шэнь Нянь не испытывал желания бороться за своё место или что-то менять.

Их отношения с отцом и без того были прохладными. Возможно, сказывались долгие отлучки Шэнь Чуншаня: с годами у них сам собой сложился порядок, при котором они заговаривали друг с другом лишь по необходимости. Что уж говорить о днях, когда отца не было дома — даже возвращаясь, тот большей частью хранил молчание.

И если бы сейчас его заставили чинить эти давшие трещину узы, Шэнь Нянь почувствовал бы лишь неловкость и отторжение.

Он давно привык быть один.

Не то чтобы ему не хотелось тепла и любви... Просто бывают вещи, для которых уходит время. И даже если потом удаётся вернуть упущенное, оно уже не приносит той радости, на которую ты рассчитывал прежде.

Когда он был совсем один, он ничего не просил. А теперь и подавно не станет вступать в борьбу.

Лишь изредка, наблюдая за ними со стороны, Шэнь Нянь невольно задавался вопросом: не родные ли они отец и сын? Ему приходилось видеть, как общается Лян Цю со своим отцом — вот точно так же.

Однажды после полудня прошёл короткий дождь. Воздух пропитался тяжёлым, сырым запахом взрытой земли. Шэнь Нянь дремал у себя в комнате, как вдруг во сне ему показалось, будто он оступился и летит в пропасть. Он вздрогнул, мгновенно очнулся и больше уснуть не смог. Поднявшись, он решил выйти на свежий воздух, но едва переступил порог, как увидал Шэнь Чуншаня, застывшего у дверей.

Отец смотрел во двор. Неизвестно, сколько он там простоял и о чём размышлял.

Шэнь Нянь не хотел его беспокоить и уже намеревался тихо вернуться к себе, но Шэнь Чуншань, услышав шорох, повернул голову:

— Сяо Нянь, подойди. Мне нужно кое о чём с тобой посоветоваться.

Шэнь Нянь подошёл. У дверей стояли два бамбуковых табурета; они уселись каждый на свой.

Дождь едва моросил, даже сухая земля не успела намокнуть, оттого-то запах сырой пыли стоял столь въедливый. Зато снаружи было свежее, чем в душной комнате, и зной ощущался не так мучительно.

— Я больше не хочу водить грузовик, — произнёс Шэнь Чуншань.

Шэнь Нянь перевёл взгляд с горшка с орхидеей на отца и промолчал.

Сколько он себя помнил, Шэнь Чуншань всегда работал дальнобойщиком. За долгие годы ничего не менялось. Шэнь Нянь вовсе не был против перемен, просто его удивило, почему отец решил сделать это именно сейчас.

Шэнь Чуншань слабо улыбнулся:

— Сяо Чжи очень привязался ко мне. Если я сейчас уеду в рейс, боюсь, он не справится. Да и взваливать его на тебя — слишком большая обуза. Тебе через год в старшую школу поступать, нужно учиться как следует. Все эти годы ты сидел дома один, под присмотром соседей... У меня за тебя сердце было не на месте. Вот я и подумал: почему бы не бросить рейсы прямо сейчас?

Если бы Шэнь Чуншань беспокоился только о том, что сыну будет тяжело, Шэнь Нянь ответил бы, что в этом нет нужды. Но он сдержался: в глубине души юноша понимал, что главное решение отец принял ради Гу Чжи. Он просто не хотел оставлять мальчика.

Поэтому Шэнь Нянь лишь снова взглянул на фаленопсис и тихо произнёс:

— Это хорошо.

— Да и работу я уже почти нашёл, дядя Чжан помог устроиться, — продолжил Шэнь Чуншань. — На фабрику за нашим переулком, им нужен водитель на доставку. Развозить товары по городу и окрестностям. Продам большегруз, возьму небольшой фургончик... Заработки, конечно, не те, что в дальних рейсах, зато каждый вечер буду дома. Смогу присмотреть и за тобой, и за Сяо Чжи.

— Доставка — тоже нелёгкий труд, — сказал Шэнь Нянь. — Пап, подожди ещё пару лет. Вот вырасту, пойду работать — тогда сможешь спокойно отдыхать дома и жить в своё удовольствие.

Шэнь Чуншань не ожидал от сына таких слов. Он на мгновение опешил, а затем тепло улыбнулся и ласково взъерошил ему волосы:

— Мне не нужно, чтобы ты взваливал на себя дом. И не нужно, чтобы ты учился на одни пятёрки или пробивался в престижные институты. Я лишь хочу, чтобы ты рос счастливым и здоровым. А с остальным я и сам справлюсь.

Шэнь Нянь чуть заметно улыбнулся, ничего не ответив.

— Завтра нужно съездить на фабрику, на пробный день, — добавил отец. — Посидите с Сяо Чжи дома. Прости, что перекладываю это на тебя.

— Всё в порядке, — ответил Шэнь Нянь.

Пусть погода и не баловала, но после этого разговора у Шэнь Няня на душе стало удивительно тепло и светло. Даже въедливый запах мокрой земли перестал досаждать. С опозданием он осознал: оказывается, то, чем он никогда не обладал, всё ещё оставалось желанным. Стоило лишь прикоснуться к этой нежности — совсем чуть-чуть, словно слизнуть каплю мёда, — как её сладость ещё долго-долго отзывалась в памяти.

Шэнь Чуншань посидел с ним ещё немного, сладко зевнул, и Шэнь Нянь отправил его отдыхать. Отец действительно устал и не стал спорить.

Шэнь Нянь остался сидеть на бамбуковом табурете, смакуя давным-давно забытое чувство. Когда дождь окончательно утих, он тоже поднялся.

Небо вовсе не расчистилось; напротив, тучи сгущались, словно готовили настоящую бурю. Шэнь Нянь вышел во дворик и перенёс горшок с орхидеей под навес. Возвращаясь, он заметил, что дверь в комнату Гу Чжи приоткрыта, а сам мальчик стоит на пороге и смотрит на него. На сей раз на его лице не было ехидной ухмылки — лишь чистая, нескрываемая злоба и обида.

В сочетании с хмурым, свинцовым небом эта картина выглядела жутковато.

— Брат Няньнянь, — заговорил Гу Чжи. — Не подходи к нему так близко. Мне это очень не нравится.

Шэнь Нянь смерил его долгим взглядом и, не проронив ни слова, прошёл мимо.

Это был далеко не первый раз, когда Гу Чжи выражал недовольство.

За последнее время, возможно, из-за того, что Шэнь Чуншань постоянно находился рядом, Гу Чжи большую часть времени вёл себя вполне естественно. Если не считать того случая с фруктовым чаем, Шэнь Нянь редко видел его настоящие срывы. Но они случались.

Стоило Шэнь Няню оказаться ближе к отцу, или Шэнь Чуншаню проявить к сыну хоть каплю заботы, или соседям заглянуть в гости и вскользь напомнить, кто здесь родной сын — как Гу Чжи одарял Шэнь Няня тяжёлым, неприятным взглядом, а к Шэнь Чуншаню начинал липнуть ещё сильнее.

Раньше Шэнь Нянь не понимал причин такого поведения, но постепенно, уловив эту закономерность, с удивлением осознал, что в какой-то мере понимает диковины чужого разума.

Потеряв родителей и оставшись сиротой, Гу Чжи понял, что в целом мире ему больше не на кого положиться. Появление Шэнь Чуншаня стало для него единственной соломинкой, за которую можно ухватиться, чтобы получить дом и жить как нормальный ребёнок.

Он жаждал сжать эту соломинку крепче, не отдавая никому ни единой крохи. А забота Шэнь Чуншаня о родном сыне и слова посторонних вселяли в него панический страх быть отвергнутым и отосланным прочь.

Он не задумывался о том, что здесь чужой, не размышлял, причиняют ли его поступки кому-то боль, и уж тем более не брал в расчёт мораль или совесть. Какая уж тут мораль, когда речь

идёт о выживании.

Его давешнее обещание «расправиться» с Шэнь Нянем, скорее всего, означало желание выжить старшего из дома и единолично завладеть любовью Шэнь Чуншаня. И хотя подобный замысел казался нелепым и абсурдным, Шэнь Нянь ни секунды не сомневался: Гу Чжи пойдёт до конца.

Он брал только то, что хотел.

А почему Шэнь Нянь его понимал? Наверное, потому что когда-то и сам так же отчаянно пытался удержать то, что было ему дорого.

Просто у него ничего не вышло.

На следующее утро, когда Шэнь Нянь проснулся, отца уже не было — осталась лишь записка с просьбой присмотреть за Гу Чжи.

Начиная со вчерашнего мелкого дождя погода так и не разгулялась. На часах не было и семи утра, а духота стояла такая, что перехватывало дыхание: казалось, вот-вот хлынет ливень.

Умывшись, Шэнь Нянь пошёл на кухню готовить завтрак и обнаружил, что отец уже выполнил большую часть работы — даже нарезал соломкой картофель. Шэнь Нянь хотел было пожарить яйца, но в итоге бланшировал картофельную соломку и сделал из неё холодную закуску.

Вернувшись с завтраком в северные комнаты, он увидел Гу Чжи, стоявшего у дверей спальни Шэнь Чуншаня. Услышав шаги, тот повернул голову:

— Дядя Шэнь уже ушёл?

— Ушёл, — отозвался Шэнь Нянь. — Ты ведь сам слышал вчера.

— Если он устроится на эту работу, он каждый день будет уходить так рано? — Гу Чжи спросил совершенно серьёзно, словно этот вопрос был для него жизненно важен.

— Не знаю, — ответил Шэнь Нянь.

— Мне это не нравится, — сказал Гу Чжи. — Ужасно не нравится.

Его неприязнь ощущалась буквально в каждом движении, её невозможно было не заметить. Но

Шэнь Нянь не мог его утешить — да тому и не требовалось чужое сочувствие.

И впрямь: не прошло и пары секунд, как лицо Гу Чжи преобразилось. От недавней мрачности не осталось и следа. Он приторно улыбнулся Шэнь Няню:

— Я проголодался, брат Няньнянь. Кормить меня будешь?

На кухне, сидя напротив Шэнь Няня и разглядывая тарелку с острой картофельной соломкой, Гу Чжи снова расплылся в той самой, вызывающей оторопь ухмылке. Подперев подбородок кулачками, он уставился на старшего. Со стороны он выглядел как невинное, милое дитя, но у Шэнь Няня от этого взгляда мурашки бежали по коже.

— Брат Няньнянь, ты что, пытаешься мне подлизаться? — пропел Гу Чжи. — Ты такой добрый, мне прямо даже неудобно будет принимать меры.

— Ничего ты не сделаешь, — спокойно сказал Шэнь Нянь.

В глазах Гу Чжи вспыхнул искренний интерес:

— Это ещё почему?

Шэнь Нянь не ответил и продолжил есть. Однако молчание ничуть не остудило пыл Гу Чжи. Он подался вперёд, не сводя со старшего глаз:

— А ведь ты прав, твоя доброта меня не остановит. Но ты ведь будешь продолжать хорошо ко мне относиться, правда? Пожалуйста! Мне так нравится, когда ты ко мне добр.

Шэнь Нянь поднял глаза. Взгляд Гу Чжи лучился ангельской невинностью. Глядя в эти чистые глаза, Шэнь Нянь хотел спросить: «За кого ты меня принимаешь? Неужели я похож на дурака, который станет благодетельствовать того, кто мечтает от него избавиться?»

Но спросить он не успел. В этот миг небеса не выдержали, и над домом раскатился оглушительный сухой удар грома.

Шэнь Нянь не боялся грозы, но от неожиданности всё же вздрогнул. Он глянул в окно: небо совсем потемнело, в кухне сумерки сгустились ещё сильнее. Он поднялся, чтобы включить свет, а когда повернулся, обомлел. От недавнего развязного превосходства Гу Чжи не осталось и следа. Мальчик сидел абсолютно белый.

Это был не просто испуг от резкого звука — он панически, до судорог боялся грома.

Когда гроыхнуло во второй раз, Гу Чжи не просто побледнел — его охватила крупная дрожь. Застыв с остекленевшим взглядом, он уставился в пустоту перед собой, словно перед ним предстало нечто невообразимо жуткое. Он словно оказался заперт внутри собственного кошмара, не в силах шевельнуться, лицом к лицу со своим первобытным страхом.

За время их знакомства Шэнь Нянь видел Гу Чжи в самых разных обличьях: мстительным, невинным, расчётливым, милым. Но таким — никогда. И всё же Шэнь Няню показалось, что именно сейчас перед ним настоящий Гу Чжи.

Оказывается, и у монстров есть уязвимости.

Шэнь Нянь ничего не знал о прошлом Гу Чжи и о том, что тому пришлось пережить. Шэнь Чуншаня дома не было, состояние мальчика внушало серьёзные опасения, но Шэнь Нянь понятия не имел, чем помочь.

Тем временем за окном хлынул потоп. Огромные, величиной с крупную монету капли с силой обрушились на оконное стекло — казалось, оно вот-вот разлетится вдребезги. Шэнь Нянь даже не обратил внимания на шум, зато Гу Чжи, кажется, очнулся от оцепенения. Вскочив, он метался по тесной кухне, как слепой котёнок, отчаянно пытаясь найти укрытие.

Он распахнул нижний шкафчик и попытался залезть внутрь, но тот был забит кастрюлями и полками. Хоть Гу Чжи и исполнилось двенадцать, для такого узкого пространства он был слишком велик.

Кухонька была крошечной, спрятаться там было решительно негде. Мальчик впал в настоящую панику, на лбу его выступили крупные капли пота.

— Если хочешь спрятаться, в северных комнатах места больше, — сказал Шэнь Нянь.

Гу Чжи на мгновение замер, а затем выскочил за дверь и бросился через галерею в дом, не обращая внимания на хлещущий ливень — словно за ним гналась свора псов.

Шэнь Нянь бросил недоеденный завтрак и пошёл за ним. Он мог бы просто махнуть рукой, но чувствовал ответственность за безопасность мальчика — хотя бы ради отца.

Он думал, что Гу Чжи укроется в своей спальне — там всё-таки привычные вещи. Но, заглянув к нему, никого не обнаружил.

Ни под кроватью, ни в шкафу.

В спальне Шэнь Чуншаня тоже было пусто. В северном крыле, помимо проходного зала, оставалась только маленькая боковая комната самого Шэнь Няня.

Шэнь Нянь вернулся к себе и зажёл свет.

Его комната, как и зальчик, просматривалась насквозь. Но если зал был пуст из-за недостатка мебели, то здесь всё упиралось в размеры. В единственный платяной шкаф были плотно уложены зимние одеяла и вещи, пролезть туда было невозможно.

И Шэнь Нянь нашёл его под своей кроватью.

Возможно, именно из-за тесноты эта коморка казалась мальчику безопаснее.

Гу Чжи сжался в клубок, уткнувшись лицом в согнутые локти, и весь дрожал. С каждым новым ударом грома его дыхание прерывалось.

Шэнь Нянь не знал причин этого страха и не умел утешать. Гу Чжи и сам не просил о помощи — возможно, само это укрытие уже казалось ему спасением. Не желая мешать, Шэнь Нянь удостоверился, что с мальчиком ничего худшего не произошло, и собрался уйти.

В этот момент лампочка под потолком мигнула и погасла. Снова выбило свет.

Обычное дело для их окраины: электричество рушилось не только от жары, но и от любого сильного ветра или грозы.

Впрочем, Шэнь Нянь вспомнил, что когда заходил, света в комнате и так не было, так что Гу Чжи полумрак вряд ли мешал. Он уже сделал шаг к двери, как вдруг ощутил, что кто-то вцепился в штанину его брюк.

Крепко, судорожно — словно в последнюю соломинку между ним и бездной.

Шэнь Нянь опустил взгляд на детскую ручонку. Несколько секунд он колебался между желанием уйти и остаться, но в итоге опустился на край кровати.

Он вполне мог уйти. Учитывая отношение Гу Чжи, Шэнь Нянь не обязан был нянчиться с ним; он мог бы даже злорадствовать. Но Шэнь Нянь никогда не умел радоваться чужой беде — он и сам чувствовал себя сплошной бедой. В его поступке не было особого милосердия: просто мальчик забился в его комнату, а самому Шэнь Няню идти было некуда.

В пасмурный день в крошечной комнатке стояла непроглядная темень, точно ночью. Шэнь Нянь сидел на кровати и смотрел на залитое водой окно. Гроза не утихала, ливень стеной валил с неба, то и дело грохотал гром, и при каждом раскате пальцы, сжимавшие ткань его брюк, въедались ещё сильнее.

Шэнь Нянь позволял ему держать себя, словно ничего не чувствуя.

За шумом дождя трудно было разобрать звуки, но Шэнь Нянь слышал, как Гу Чжи плачет. Тихие, прерывистые всхлипы тонули в потоках воды, но юноша сидел слишком близко, чтобы не услышать.

Он ничего не сказал, делая вид, будто ничего не замечает.

Сам Шэнь Нянь тоже не любил дождливые дни.

Раньше, в детстве, он тоже боязливо замирал во время грозы. Не так отчаянно, как Гу Чжи, но вспышки и грохот пугали его. В такие минуты он всей душой надеялся, что кто-то окажется рядом — пусть даже не произнесёт ни слова, просто побудет в одной комнате.

Но теперь он больше не боялся. И ничего ни от кого не ждал.

Ливень затянулся и стал утихать только после полудня. Гром прекратился, но Гу Чжи так и не разжал пальцев. Шэнь Нянь терпеливо сидел рядом. Лишь когда тучи рассеялись, взошло солнце и комнату залил яркий дневной свет, мальчик наконец отпустил его штанину.

Шэнь Нянь бросил взгляд на мятный, мокрый от чужих слёз и пота отворот брюк, поднялся и вышел.

Остаток дня прошёл удивительно тихо. Шэнь Нянь разогрел на кухне утренние остатки, Гу Чжи пришёл и молча поел вместе с ним. Он больше не паясничал и не произносил странных угроз; он ел молча, аккуратно отправляя в рот ложку за ложкой, похожий на вялый, прибитый морозом баклажан.

Глядя на него, Шэнь Нянь тихонько улыбнулся.

Он посмотрел в окно на умытое, ясное небо и вдруг подумал, что дождливые дни — это, в сущности, не так уж и плохо.

<http://bllate.org/book/20601/2106599>